

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

ОТРЯД БЕССМЕРТНЫХ

Спецназ Ивана Грозного

Александр Тамоников

Отряд бессмертных

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Отряд бессмертных / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (Спецназ Ивана Грозного)

ISBN 978-5-04-097258-6

Еще очень давно, в былинное Средневековье, страна нуждалась в особо выученных и натренированных воинах. Царь понимал, что одной лишь регулярной армии мало. Нужны такие богатыри, которым можно было бы доверить самые сложные, опасные и значимые задачи, от которых зависела судьба государства. И пусть таких героев будет немного, но чтоб им по силам было пройти огонь и воду, в одиночку сразиться с дюжиной врагов, проникнуть в самые неприступные бастионы противника. И победить. И вот в 1549 году особая дружина царя была создана. Всего двенадцать человек. Дюжина легендарных богатырей, тщательно отобранных по всей Руси. Им приказано отправиться на границу с Казанским ханством, разбить многочисленные отряды мурзы Захира Салмана, да вдобавок взять самого мурзу в плен живым и невредимым. Такую задачу впору ставить целой армии, и то вопрос: справится ли? Но двенадцать бойцов приучены не обсуждать приказы. На рассвете они вышли в поход...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097258-6

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тамоников

Отряд бессмертных

© Тамоников А. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Сумерки начали захватывать лес, делать его неприветливым и даже враждебным, как только солнце скрылось за горизонтом. Отряд казанских татар под предводительством десятника Надира, состоящий из двадцати конных ратников, вышел на широкую, просторную лесную поляну, поросшую травой.

Тут же из кустов, которые опоясывали поляну, выехал всадник. Надир держал в передовом дозоре двух человек. К отряду направлялся один, совсем еще молодой воин, впервые вышедший в поход на русские земли, восемнадцатилетний Ильдар.

Он подъехал к начальнику и сказал:

– Надир-ага, впереди за лесом, на берегу реки русская деревня.

– Якши. Большая ли деревня?

Дозорный на пальцах показал, мол, восемнадцать дворов.

Надир цокнул языком.

– Невелика деревня. Людей видели?

– Немного, господин. – Он опять-таки показал на пальцах.

Выходило, что дозорные видели пятерых мужчин, трех женщин и двоих подростков.

Помощник начальника отряда Анвар, находившийся рядом, проговорил:

– Это ничего. У русских семьи большие. Около сотни жителей здесь есть.

– Чертеж! – приказал Надир.

Помощник достал свиток, развернул его. Стемнело не до такой степени, чтобы не разобрать то, что было изображено на плотной бумаге.

– Да, вот деревня у леса и реки. Она называется Дерга. Якши. До города Бабаев больше двадцати верст. Туда ведет лесная дорога. – Десятник взглянул на юношу и спросил: – Где второй дозорный?

– Он на опушке леса, в кустах, смотрит за деревней.

– Далеко идти по лесу до опушки?

– Нет, господин, совсем недалеко.

Надир приказал помощнику:

– Разбивай стан, готовьте пищу, но так, чтобы дым не было видно. Коней стреножить, пусть пасутся, здесь корма много.

– А правее ручей большой, там вода чистая, – подсказал дозорный.

– И напоить вволю. За этим смотришь лично, Анвар!

– Да, господин.

– Ну а я поеду, тоже посмотрю на эту деревню. – Он кивнул дозорному и приказал: – Показывай дорогу!

Они проехали по лесу треть версты.

Потом дозорный остановил коня и сказал:

– Господин, дальше верхами нельзя. Могут из деревни заметить.

Надир увидел коня, привязанного к березе в стороне от заросшей тропы. Это был конь старшего дозора.

Десятник спешил и передал поводья молодому воину, тоже соскочившему с седла. Тот поставил лошадей к березе.

Они прошли еще тридцать сажений и повернули вправо, к зарослям кустарника. Ильдар двинулся вперед, раздвигая ветки перед начальником.

Вскоре они оказались на краю леса, где, подложив под себя кошму, лежал старший дозора Гадел. Даже так ему хорошо была видна деревня и река Колва, потому как лес с восточной

стороны был выше низины, в которой располагалась деревня. От затопления в сезон половодья ее спасал высокий, но пологий берег. Вода заливала противоположную, луговую сторону.

При виде начальника Гадел отполз, уступая место Надиру. Тот прилег, раздвинул ветви, осмотрелся.

Деревня действительно была небольшая. Молодой воин не ошибся, считая дворы. Одна улица с запада на восток, бревенчатые избы по обеим сторонам, на крышах полосы бересты, в стенах продолговатые оконца высотой с ширину бревна, в них бычьи пузыри. Позади яблони, груши, вишни, далее огороды. Скотины мало, но поживиться будет чем. Тут есть люди и запасы зерна. Пахотные земли южнее, по сторонам дороги.

Жителей не видать, да оно и понятно. Люди помолились, поужинали и разлеглись по скамьям да полатам. Не боятся, нет никакой охраны. Только большой черный пес разлегся на ближней околице в начале улицы.

Надир посмотрел в сторону реки. У пологого берега стояли лодки, на шестах сушились бредни и ставные сети. Рыбы в тутошних реках водилось много. Это было хорошее подспорье в голодные годы, такое же полезное, как грибы и ягоды.

Десятник перевел взгляд от реки на западную околицу. Там уходили в лес несколько охотничьих троп. Живности в здешних лесах хватало.

Осмотревшись, начальник татарского отряда поднялся. Скрываться больше не имело смысла. Здесь, на окраине леса, в густые сумерки никто его не увидит.

– Смотрите за деревней до полуночи! Потом вас сменят, – сказал он дозорным. – Еду вам принесут. По одному можете спать. Но если спит один, то второй бдит в четыре глаза, понятно?

– Да, господин, – ответил Гадел.

– Пошел я.

Надир без труда нашел своего коня, подумал, не стал садиться на него, повел к поляне.

Из леса доносился запах костров и жареного мяса. Но слабый, который до деревни не достанет. Ветер дул на восток. Да и не будет скоро этого запаха.

Встречал начальника его помощник.

– Все исполнено, Надир-ага.

– Вижу.

Два десятка воинов сидели по трое-четверо возле небольших костров, ели мясо и лепешки, запивая ключевой водой.

– Для тебя сделали шалаш, Надир-ага.

– А это кто велел?

– Это я сам решил. Чтобы тебе удобнее спать было. Травы нарвали, сверху положили кошму, мягко. И дождь пойдет, не страшно.

– Воины, значит, под небом, а я в шалаше?

– Так тебе по чину положено.

– Нет, Анвар, я как и все.

– Так что, валить шалаш?

– Да!

– Ладно, давай откушаем.

– Ты тоже не ел?

– Как же без тебя-то?

– Откушаем.

Надир и Анвар у отдельного костра грызли то же самое баранье мясо, лепешки, пили воду.

– Мяса и муки осталось совсем мало, Надир-ага, – проговорил помощник.

Начальник отряда посмотрел на него.

– Мы зачем здесь, Анвар?

- По велению мурзы Захира.
- А что повелел Захир?
- Разорять русские селения, жечь дома, захватывать как можно больше пленных, скот, зерно.
- Верно. Значит, завтра будет у нас и мука. Конечно, ясырь здесь возьмем не самый богатый, но и то хорошо.
- Физиономия помощника расплылась в довольной ухмылке.
- Эх, Надир-ага, повеселимся завтра на славу.
- Начальник усмехнулся.
- Кто-то повеселится, кто-то посмотрит.
- Но, господин, мне-то, своему помощнику, ты позволишь потешиться с русской бабой?
- Что, нравятся?
- Охоч я до них.
- Поглядим. Но остальным перед выходом строгий запрет на насилие здоровых, молодых баб. Брать как можно больше пленных. Резать только тех, кто посмеет оказать сопротивление.
- А коли кто сподобится бежать?
- Нам и надо, чтобы кто-то сподобился сбежать. Воевода, сидящий в Бабаеве, должен знать, что на этой земле хозяйева мы, а не он и не царь Иван.
- Твоя правда, Надир-ага.
- Определись с дозором. Вторую смену выставь в полночь. Пусть сидят в кустах до утренних сумерек. Как просветлеет, сбор в готовности в центре поляны. Я каждому доведу задание. Потом с помощью Всевышнего пойдем на урусов.
- Да, Надир-ага.
- Ступай назначь дозорных и ложись спать.
- Я хотел тебе место подготовить. Уже заметно прохладнее стало, утром же от земли холодно будет.
- Не замерзну. Все сделаю сам. Ты выполняй повеление.
- Да, господин!

Как только небо немного просветлело, татарский отряд построился посреди поляны. Отсутствовали только дозорные, которые до того донесли десятнику, что кругом все спокойно.

Надир-ага объехал строй и остался доволен осмотром. Воины готовы, у всех блестят глаза пред набегом. Еще бы! Сегодня они возьмут невольников, заберут у жителей деревни все ценное, что у них есть, кому-то выпадет забава с русскими бабами. Всадники были уверены в себе, и это тоже легко объяснялось. Им предстояло идти не на крепость, а на незащищенную деревню. Ее обитатели и думать не думали об опасности, нависшей над ними.

Надир-ага выехал на середину строя.

– Воины! Пред нами деревня урусов. Она наша. Защищать ее некому. А тот, кто попытается оказать сопротивление, обречен на смерть. Посему действуем так, как и всегда. Обходим деревню со всех сторон, разделившись на четыре пятерки. Первую из леса поведу я. От реки вторую выведет Анвар, прежде пропустив на запад людей Батуллы. Динару следует захватить с собой дозорных, зайти от дороги и пашни. Нападаем одновременно. Сигнал – поднятое копьё. Моя пятерка берет четыре ближних двора с обеих сторон улицы. Анвар – столько же с севера, Батулла – пять с запада. Всех урусов гнать на околицу, ближнюю к нашему стану. Туда же сводить скот, тащить добро, подогнать лошадей и пару телег. Брать только здоровых мужиков, баб, подростков. Больных уничтожать. Дальше по моей команде. Все сделать быстро. Чем скорее мы уйдем в лес, к стану мурзы, тем лучше. Готовы?

Всадники подняли руки или сабли.

– Разделяемся и выходим к опушке.

Отряду Надира не впервой было разорять русские деревни и села. Почти все его воины хорошо знали, как и что делать. Посему построение перед нападением носило формальный характер.

Татары разделились и вышли на опушку леса.

– Пошли! – приказал десятник Анвару и Батулле.

Всадники прошли кустарником до края обрыва, повернули коней к западу. Там они прикрылись глубоким сухим оврагом, вытянулись в цепочку и продолжили движение на запад.

Анвар остановил свою пятерку у широкой тропы, ведущей к провалу в обрыве. Жители села выходили по ней к реке, к лодкам. Батулла увел своих людей на запад, где скрыл их в небольшой роще. Одновременно к пашне вышли всадники Динара.

Надир посмотрел на своих воинов. Те едва сдерживали коней.

– Спокойно, батыры! Еще не время.

Татары быстро окружили село. Сторожевой пес поднял лай, но ненадолго. Стрела, пущенная Анваром, пробила его грудь, заставила замолкнуть навсегда.

Надир вывел своих людей в поле.

В ту ночь Кирьян и Алена Гончар, проживавшие в крайнем слева доме на дальней от реки стороне улицы, не спали. Под вечер закапризничала дочь Варвара. Ей было всего два года. До того хворь обходила ее стороной, теперь зацепила. Да так, что к полуночи начался сильный жар. Тельце ребенка горело как печь. Девочка с трудом дышала, ее бил озноб.

В семье было два ребенка. Пятилетний первенец Ванька спал на лавке у печки.

Кирьяну исполнилось двадцать два года, красавице Алене шел двадцать первый. Поженились они рано, когда Кирьяну было шестнадцать, а Алене – пятнадцать лет. В то время в этом не было ничего странного. Жили хорошо, дружно, любили друг друга.

Брат Алены Нестор Копарь служил десятником в дружине Бабаева. Третьего дня всей семьей к нему в гости ездили. Там Нестор неожиданно предложил Кирьяну переехать в город и пойти на ратную службу. Он обещал договориться об этом с воеводой Ермолаем Никитичем. Дом у Нестора большой, на первое время места всем хватит. Потом Кирьян с Аленой свое жилище подымут. Народ поможет.

Кирьян задумался об этом. Все же город не деревня, затерянная в лесах. С другой стороны, он и Алена привыкли к своей избе, пусть малой. К реке, где Кирьян ловил рыбу, к лесам, в которых он охотился.

Всю ночь после разговора они обсуждали предложение Нестора. Прикидывали и порешили перебраться в город, если воевода возьмет Кирьяна в дружину. Но сомнений в том почти не было. Десятника своего воевода послушает, против не пойдет. К тому же ратники были нужны. Сотня воинов могла защитить Бабаев от нападения незначительных сил, а вот против крупного отряда не устоит. Особой надежды на чью-то помощь не было.

В общем, порешили они и с этой мыслью вернулись в деревню. Разговор со старостой вышел непростой. Тому тоже нужны были молодые, сильные мужики. Но удержать семью он не смог.

Кирьян и Алена начали собирать скарб для переезда. Свой запаханный надел они передали деревенскому сходу. Утром должны были выехать, и тут на тебе. Захворала Варвара.

Пришлось Кирьяну будить местного знахаря деда Семена Рынду.

Тот пришел, осмотрел девочку, покачал головой и сказал:

– Застудилась дочь ваша. Вы ее во двор выносили надолго?

– Было такое, дед, – ответила Алена. – Соседка Лукерья приходила, сукно, что с ярмарки еще год назад привезли, приносила. Ей не сподобилось, предложила мне. А куда я без дитя-то? С Варей и вышла во двор.

– А вечером ветер дул северный, говорили же вы с Лукерьей долго.

- Да не сказать, дед Семен.
- Знаю я вас, баб. Дай только встретиться, потом не растащишь.
- Но не гнать же соседку!
- В общем, Алена, застудила ты дочь. Теперь лечить не меньше недели придется.
- Ей бы жар снять.
- Это сделаю. Я говорю о лечении. Неделя, никак не меньше.
- А мы в Бабаев собрались, – сказал Кирьян.

Старик кивнул.

- Знаю. Но коли поедешь, то можешь и не довезти дочь.

– Да какой теперь переезд, – воскликнула Алена. – Лечить надо. Говори, как и чем, дед Семен.

Знахарь вздохнул, положил на стол суму, принесенную с собой, стал выкладывать из нее пучки разных засушенных растений, кореньев, объясняя, что есть что. Из этой травы отвар сделать, другую в мелкий порошок покрошить да давать с козьим молоком, третью к телу прикладывать. Ушел дед за полночь, когда благодаря его деяниям жар спал и девочка наконец-то заснула.

Проводив знахаря, Кирьян присел на лавку. Рядом устроилась Алена, положила голову с распущенными густыми волосами на его крепкое плечо.

– Ты прости меня, Кирьян, что за дочерью не усмотрела. Теперь из-за моей глупости сидеть нам на деревне неделю.

- Ничего, Алена. Значит, так Господу угодно было. Нам надо пройти чрез это испытание.

– Но воевода нас нынче ждать будет.

– Я позже съезжу в Бабаев, объяснюсь. Ермолай Никитич – человек строгий, но незаносчивый. Поймет. Да и надобности особой для дружины покуда во мне нет. Татар давно не было. С нас взять нечего. Их большие поселения влекут. Там всякого добра хватает. Бог милостив. Покуда беды обходили нас стороной.

Алена под тихий голос мужа задремала. Кирьян аккуратно встал, поддержал ее, уложил на лавку, накрыл одеялом, подsunул подушку. Пусть поспит.

Потом он подошел к люльке. Голова дочурки на подушке, тельце покрыто дерюжкой. Спит, посапывает. Это хорошо, значит, легче ей стало. Помогли снадобья знахаря. Дал же Господь ему дар людей избавлять от разной хвори. Всю деревню лечит. И отец его знахарем был, и дед.

На дворе посветлело. Кирьян поправил одеяло на лавке сына, вышел во внутренний двор, посмотрел на небо. Облака рваные, восток алеет. Значит, день будет сухим и теплым.

Кирьян опять поглядел на восток и увидел за пашней нескольких всадников.

- А это еще кто такие?

Он зажмурился, потом открыл глаза. Может, померещилось? Но нет, всадники мелькали за пашней. Поднял лай пес Булат, но отчего-то сразу смолк. Нехорошее предчувствие хищной змеей вползло под рубаху.

Кирьян посмотрел вправо. Там тоже были всадники. Куда ближе.

- Господи, да это же татары! – Он метнулся в избу. – Алена, очнись!

– А?! Что?

– Очнись, Алена! Кажись, басурмане к нам пожаловали.

Молодая женщина вскочила со скамьи, бросилась к люльке, взяла на руки Варвару. Видать, знахарь дал ей сонного снадобья. Девочка не проснулась.

- Ванька! – окрикнул Кирьян сына.

Тот сел на скамье, протер глаза.

- Чего? Пора вставать?

– Пора, Ванька. Быстро одевайся!

– А чего быстро-то? Рано еще!

– Татары у деревни.

Услышав это, малец соскочил со скамьи, быстро надел портки, рубаху, обулся в лапти.

– Ступайте в клеть. Там укройтесь.

– А ты, Кирьян? – спросила Алена и посмотрела на мужа, который снял со стены саблю, доставшуюся ему от отца.

– Пойду подымать народ. Биться с басурманами придется. А вы не мешкайте, прячьтесь. Коли татары подойдут к клетки, ты знаешь, где лаз. Но высовываться не торопись. Пусть сперва Ванька все посмотрит.

– А ты? – вновь воскликнула Алена.

– Не хорониться же мне с вами! Мужик должен биться за семью, за деревню, за народ. Давайте, родные, живее.

Алена с детьми бросилась в клеть, а Кирьян выскочил на улицу. Он хотел добежать до столба, на перекладине которого висел колокол, ударить в набат, но едва не столкнулся со всадником. Конь отскочил в сторону.

Кирьян заметил, что татары были уже во всей деревне. Из дальних изб доносились крики, рядом раздавалась чужая речь.

Всадник был близко.

– Хватай уруса, – крикнул он.

Кирьян не стал ждать, понял, что здесь, на улице, ему одному никак не отбиться, и ломанулся обратно в избу. Сбоку в бревно вонзилась стрела. Хорошо еще, что не подожженная. Он метнулся через сени во внутренний двор, но и там были всадники.

– Ах, чтоб вас, антихристы проклятые!

Ему пришлось забираться в избу. Кирьян опрокинул стол, дабы не мешал, поднял лавку, на которой спал с Аленой, встал в правом углу под образами, крепко держа рукоятку острой сабли.

Первым в избу с истошным воплем ворвался татарин, тоже вооруженный саблей. Он не ожидал, что встретит сопротивление. Кирьян сделал два шага вперед. За этим последовал короткий взмах, и срубленный татарин рухнул на пол.

Тут появились еще двое, оба с пиками. Кирьян отбил выпад и нанес удар. Его противник выставил щит, который разлетелся на две равные части, однако спас татарина. А вот другой всадил пику в грудь Кирьяна, не защищенную ничем, кроме рубахи. Тот вскрикнул и повис на древке. Острое копьё пробило тело и застряло в бревне сруба.

Так и висел Кирьян, истекая кровью, в красном углу под образами. Господь с иконы смотрел на басурман страшным, гневным взглядом.

Татарин, едва не ставший второй жертвой Кирьяна, поднялся с пола, отбросил в сторону разрубленный щит и проговорил:

– Спасибо тебе, Бахет. Не забуду.

– Ничего, Данис. Как делить ясырь будем, так и сочтемся.

В проеме двери показался Батулла.

– Что здесь? Газиз убит?

– Да, ага, урус убил славного Газиза.

– Где вы были? – Голос главаря пятерки источал гнев.

– Я ворвался в избу за Газизом, но урус уже нанес ему удар. Этот мужик оказался ловким. Если бы не щит, то он и меня разрубил бы. Тут подошел Бахет и пронзил неверного копьём.

Неожиданно в светлицу, обгавленную кровью, вошел Анвар, помощник Надира.

Он увидел трупы, цокнул языком.

– Плохо. Первый же урус убил нашего брата. Почему вы по одному вошли в избу?

– Так получилось, – проговорил Батулла и отдал приказ своим бандитам: – Тело Газиза на улицу, потом идите дальше! В каждый дом вдвоем!

Бахет и Данис убежали.

Батулла повернулся к помощнику главаря и спросил:

– А ты как тут оказался, Анвар? Твоя пятерка должна захватывать деревню от реки.

Анвар поднял голову. В глазах его светилась высокомерность.

– В отличие от тебя мои люди уже взяли хороший ясырь, теперь тебе помогают. Я послал их в те дворы, которые должен захватить ты. И вовремя. Ты потерял воина. И как? Он был убит каким-то крестьянином. Иди следом за своими людьми.

– А ты?

– А я погляжу, что есть здесь.

Батулла скривился и выбежал из дома.

Алена была в клети. Она услышала крики и поняла, что мужа живым больше никогда не увидит. Да и самой не избежать позора и неволи.

Женщина ждала чуда, не могла бросить мужа, вот и потеряла время. Но сына еще можно было спасти. Она положила сонную Варвару на старые нары, стоявшие у стены, открыла вход в лаз. По нему можно было выйти на край огорода, а там и до леса недалече. Всем уже не уйти, пусть спасется сын.

Алена крикнула ему:

– Ванятка, иди сюда.

– Я боюсь, мамка.

– Иди, родной, не бойся.

Мальчик подошел к матери.

– Забирайся туда! Я лаз закрою, и никто его не найдет. Ты же иди до самого конца. Там будут лестница и крышка. Ты сильный, подынешь ее и сразу же в лес, подальше от деревни. Иди в сторону города, туда ведет дорога через пашни.

– Знаю.

– Так иди.

– А вы?

Алена смахнула слезу, прижала сына к груди, осыпала его голову поцелуями.

– Иди, сынок. Даст бог, когда-нибудь увидимся. А коли нет, не горюй. Молись за нас и всегда помни отца, мамку, сестренку. Иди, а то поздно будет.

– Я не пойду, – заупрямился мальчуган.

– Иди, я сказала! – Алена с силой толкнула сына в лаз, тут же захлопнула крышку, закрыла ее рогожей.

Спрятать бы дочь. Но где? Потайных мест не осталось. Эх, надо было отдать сестру Ваньке, но уже ничего не изменишь.

Алена схватила из угла рогатину и встала у нар, на которых посапывала дочь, усыпленная знахарем.

Анвар остался один и прислушался. Через сени донесся какой-то шум. Что-то хлопнуло. В избе не было ни жены убитого уруса, ни детей, хотя люлька на месте, рядом скамья у печи, с нее сброшено одеяло. Женский сарафан в углу.

Анвар хищно повел носом, словно хотел уловить запах жертвы. В самой избе оставалась клеть, то есть хозяйственная постройка. Только там могла спрятаться баба с детенышами.

Анвар держал саблю наготове. Он знал, что русские бабы зачастую дерутся наравне с мужиками, а то и яростнее, особенно защищая своих детей.

Анвар прошел сени, толкнул дверь в постройку. Закрыта.

Он усмехнулся. Глупая женщина, что для батыра какая-то дверь?

Татарин ударил по ней ногой, но она не поддалась. Засов держал крепко.

Анвар осмотрелся. Под лавкой, на которой стояли кадки с водой, лежал крупный чурбан. Такими вбивали столбы в землю.

Он поднял его, напрягся, ударил чурбаном, как тараном. Дверь соскочила с петель.

Анвар оскалился.

Пред ним стояла женщина необычайной красоты, с распущенными волосами, в рубахе, чрез которую проступали большие груди и широкие бедра. Желание тут же наполнило насильника.

Анвар медленно пошел к Алене.

– Не подходи, проклятый, убью! – закричала женщина.

Анвар понимал и немного говорил по-русски:

– Ты моя баба! Брось рогатину, сними рубаху, ложись на пол. Я тебя ласкать буду. Не так, как твой мужик. Он умер. Я живой, и ты моя. Ложись!

Алена вскрикнула и сделала выпад рогатиной, целясь в голову татарина. Но тяжело было это славянское копьё. Им бились сильные ратники, крепкие мужики ходили на медведя.

Анвар отбил рогатину, шагнул к Алене и ударил ее рукояткой сабли по голове. В глазах женщины потемнело, ноги подкосились, и она рухнула на пол. Из ссадины на голове потекла кровь.

– Глупая баба, – проговорил насильник, склонился над женщиной и начал срывать с нее рубаху.

Тут Алена пришла в себя и попыталась вырваться, но Анвар обезумел от звериной страсти и принялся бить ее. Женщина вцепилась зубами ему в горло. Она хрипела, но не отпускала его.

Анвар кое-как дотянулся до сабли, валявшейся на полу, и сумел ударить Алenu по голове. Она застонала и упала замертво.

Убийца плюнул на истерзанное тело и услышал детский крик. Он подошел к нарам и увидел плачущую двухлетнюю девочку. Она уже распустила одеяльце, освободила руки и ноги.

Анвар криво усмехнулся и дважды ударил саблей.

Разделавшись с матерью и дочерью, он вспомнил, что в этой семье наверняка был еще один ребенок.

Анвар начал искать среди разного хлама, снопов, мешков с зерном, всякой хозяйственной утвари. Он перерыл все, но никого не нашел.

Негодяй вздрогнул от неожиданности, когда услышал от двери голос Надира:

– Что, Анвар, знатно повеселился?

– Да, все якши, ага.

– Якши, говоришь? А ведь эта баба тебе чуть горло не перегрызла. – Надир прошелся по клети, изогнутым носком сапога пнул разрубленное тельце девочки, встал над обезображенным трупом Алены. – А баба была хороша. За нее дали бы много. Ты зря убил ее, и обязательно заплатишь мне за это.

– Надир-ага, на меня что-то нашло. Я заплачу, сколько скажешь.

– Конечно, заплатишь. Но ладно, что сделано, то сделано. Семью всю извели?

– Да, – не моргнув глазом солгал помощник, решивший не говорить о втором ребенке. –

Тут они все. Муж в избе, жена и дочь здесь.

– Ну, коли всех, то жги избу с клетью и выходи на улицу. Забираем ясырь, скарб, скотину и отходим!

С улицы уже тянуло сильным запахом дыма. Татары жгли деревню.

– Да, Надир-ага. Никогда не забуду твою милость.

– Делай то, что я сказал!

Налетчики вывели пленников на восточную окраину деревни, сбили в кучу. Сюда же пригнали несколько коров, овец, коз. Птицу резали на месте. Татары набили всяким скарбом две телеги, туда же забросили мешки с мукой, готовые караваи, битых кур.

Молодой татарин привел еще одну лошадь, старую клячу. На переходе пленных надо кормить. Вот и пойдет им мясо этой кобылы.

Чуть поодаль на самодельных носилках лежал труп Газиза, завернутый в саван. Главарь банды повелел трем мужикам копать яму. Могила для убитого они вырыли быстро, земля здесь была мягкая. Один из татарских воинов прочитал молитву, и тело Газиза было предано земле. В могильном холме торчал шест с белой тряпицей на конце.

Надир посмотрел на небо, подозвал Анвара и заявил:

– Вижу трех дохлых стариков и старуху. Они далеко не уйдут.

– Я понял тебя, ага. Но и младенцы будут мешать. Надо резать.

– Со стариками разберешься, как только начнут отставать. Их в самый конец поставь. А с младенцами пока спешить не будем. Надо дойти хотя бы до большой елани с одиноким старым дубом. Оттуда до стана мурзы Захира не более десяти верст. Там и порешим младенцев, которые доставят больше хлопот. Сейчас резать их – значит, получить безумство матерей, злобу мужиков. Это может привести к бунту. Переход же лишит их сил, ослабит дух, сделает послушными. По пути никого не жалеть! Пускать в ход нагайки! Ты меня понял?

Помощник кивнул.

– Понял. Стариками сам займусь, как войдем в лес.

– Порежь их, как отойдем версты на три, если до того времени они сами не повалятся.

– Да, Надир-ага.

– Выполняй!

Налетчики поставили невольников в ряд, связали за спинами руки ремнями, сквозь них продели шесты, на шеи набросили веревки, концы которых взяли всадники. Женщины с младенцами шли отдельно. Как и наказывал главарь, стариков поставили в конце.

Надир поднял руку и махнул в сторону леса. За его спиной полыхала деревня. В безветрии в небо поднимался черный дым, который наверняка был виден из Бабаева. Но это не беспокоило Надира. Мурза Захир имел в городе своих людей. Он сказал десятнику, что дружина не сможет прийти на помощь жителям деревни, оставить беззащитным сам город.

В лесу старики начали отставать и задерживать все шествие.

Надир обернулся к Анвару и приказал:

– Избавься от них!

– Слушаюсь, господин.

Помощник остановил коня и махнул рукой воинам, которые вели телеги. Те остановились. Анвар приказал им освободить стариков. С них сняли веревки, ремни. Анвар подождал, пока невольники удалились к ближней елани и тропа им была не видна, потом соскочил с коня, достал из сапога нож.

Он действовал быстро. Взмах руки, блеск лезвия в воздухе. Старики один за другим повалились на землю с перерезанными горлами, обильно орошая траву алой кровью.

Когда с ними было покончено, помощник подозвал к себе возницу и приказал ему:

– Этих сволоки в лес и догоняй нас! – Он поспешил вперед, обогнал пленников, подъехал к Надиру и сказал: – Я все сделал, ага.

– Якши. На тропе трупы оставил?

– Нет, приказал затащить их в кусты.

– Мог и не делать этого. Но ладно, уйди в замыкание, за телеги и скот, держи при себе людей, с которыми брал деревню.

– Слушаюсь! Дозволь спросить, Надир-ага?

– Спрашивай.

- Когда сделаем первый привал?
- А ты что, уже устал?
- Я и воины нет, но полоняне...
- С каких это пор ты стал заботиться о них? Или появилась жалость к бабе и младенцу, которых ты растерзал в деревне?
- Нет, ага, они для меня не люди. Это товар, скот, такой же, как в родном улусе.
- Тогда не городи глупости. Привал будет, когда я скажу.
- Да, господин. – Анвар повернул коня и позвал: – Данис, Бахет, ко мне!
- Всадники подъехали к нему.
- Стоять рядом! Пропускаем невольников, стадо, обоз, пойдем в замыкании.
- Всадники молча кивнули и встали рядом с начальником.
- Тут с Анваром поравнялся мужчина средних лет с побитым лицом.
- Эй ты, басурман, – крикнул он Анвару.
- Тот удивленно спросил:
- Это что, мне сказано?
- Всадники утвердительно закивали.
- А ну ко мне эту русскую скотину! – распорядился Анвар.
- Мужчина шел в связке таких же невольников. Всадник, державший его, отвязал ремень и за веревку подтянул пленника к помощнику главаря банды.
- Чего ты говорил? – вкрадчиво спросил Анвар.
- Сзади шел мой отец. Сейчас я его не вижу, как и остальных стариков. Что вы с ними сделали?
- Анвар понял не все, но смысл вопроса уловил, оскалился и спросил:
- Ты желаешь знать, где твой отец?
- Да.
- Я скажу. Он там. – Анвар показал в сторону леса, где зарезал стариков. – Твой отец умер.
- Как это умер?
- Татары рассмеялись, глядя на этого мужика. Ему ли задавать подобные вопросы, повышать голос?
- Вот так умер. – Анвар провел ладонью по шее. – Быстро. Я зарезал его как барана.
- За что?
- Молчать! Зуфар! – крикнул Анвар всаднику, который держал пленного. – Всыпь ему хорошенько, чтобы знал, кто он теперь. Такая же скотина, что в стаде!
- Да, Анвар. – Татарин пару раз ударил пленного нагайкой.
- Степан Гора, отца которого зарезал проклятый басурман, очень хотел бы, чтобы этот негодяй, да и другие тоже захлебнулись бы своей кровью, но ничего не мог сделать. Он лишь до крови прикусил губы от бессильной ярости.
- Его поставили обратно, привязали ремень, вставили шест и наградили щедрой порцией ударов нагаек.
- Анвар с подчиненными пропустили пленников, обоз, скот и пошли в замыкании. Они держались в десятке сажений от стада, которое гнали трое конных татар.
- Избавившись от стариков, налетчики погнали пленников быстрее. И все бы ничего, если бы не младенец на руках одной из молодых женщин. Ребенок постоянно плакал, даже орал. Как ни старалась мать успокоить дитя, ей это не удавалось. Полугодовалый мальчик не брал грудь, покрылся пятнами.
- Надир, ехавший впереди, не выдержал, остановил невольников, развернул коня.
- Он гневно взглянул на женщину, тщетно пытавшуюся успокоить ребенка, и крикнул:
- Ты можешь закрыть рот своему ублюдку, свинья?

Мать была в отчаянии.

– Я делаю все возможное, но у сыночка болит живот. Так уже было. Молю, разрешите знахарю посмотреть сына и помочь ему. Потом мальчик будет молчать.

Надир знал, что знахарь остался в лесу, среди убитых стариков. Он не имел никакого желания помогать младенцу. Напротив, десятник еще перед выходом приговорил к смерти тех пленников, которые будут задерживать передвижение. Но убить младенца здесь, сейчас, на виду у всех было бы неосмотрительно. Поэтому он пошел на хитрость.

Коварство всегда отличало этих людей. Воевать честно они просто не умели, избегали открытого боя, не считали зазорным бросить все и бежать от противника, даже меньшего по количеству.

– Освободить ее! – приказал Надир.

Женщина с ребенком была освобождена от веревок и присела в траву.

Остальные пленники продолжили путь.

Степан Гора, проходивший мимо, крикнул матери:

– Марина, вставай, иди дальше!

– Мне, Степан, обещали знахаря прислать.

– Его... – договорить Степан не смог.

Плетка рассекла его губы, язык. Кровь хлынула изо рта. Всадник продолжил хлестать пленника, куда они не отошли от женщины. Она так ничего и не поняла.

Анвар увидел начальника отряда, женщину с младенцем у его ног и спросил:

– Что случилось, Надир-ага?

– Да вот этот щенок извел своим криком.

– Так ты убил бы его, да и все.

– А для чего, по-твоему, женщина и младенец здесь?

– Не знаю.

– Забери щенка, убей и брось в канаву. Бабе в рот кляп, руки-ноги связать и бросить на телегу. Место-то найдется?

– Во второй сзади мешки с зерном. В один ряд. Туда поместится.

– Как уйду вперед, займешься этим. Гляди, Анвар, второй бабы я тебе не прощу!

– Клянусь, не трону.

– Выполняй!

– Да, ага!

Надир погнал коня вперед, Анвар же спешил. Бахет и Данис смотрели на происходящее с холодным безразличием.

Помощник главаря опустился пред женщиной на корточки и спросил, не обращая внимания на крики ребенка:

– Твой сын хворый?

– Да, ради всего святого, позовите знахаря, деда Семена.

– Как твое имя?

– Господин, не разумеешь, что ли? Дитю знахарь нужен.

– Я спрашиваю твое имя.

– Марина я.

– Марина, значит. Знахарь тебе нужен?

– Да, дед Семен!

– Где твой дед? Так далеко, что не достать, а я здесь.

Женщина взглянула на татарина и спросила:

– Ты знахарь?

– Конечно! Хороший знахарь.

– Так помоги. У сына животик разболелся.

– Это я быстро вылечу. Отойди!

Марина чуть отодвинулась.

Анвар забрал младенца из ее рук, достал нож и одним движением отсек ему голову.

– Вот как быстро я лечу.

Женщина побледнела.

– Ты!.. – Она с воем бросилась на убийцу.

Анвар ударил ее локтем. Бахет ловко набросил петлю на шею женщины и потащил на себя.

– Не удави! – крикнул Анвар. – Вяжите ее!

Всадники спешили, схватили извивающуюся женщину, связали, затем вбили в рот кляп из куска ее же платья.

Кончиком ножа Анвар задрал подол и сглотнул слюну. Он с удовольствием разделал бы и эту бабу, но нельзя, Надир предупредил.

Мерзавец вздохнул и приказал:

– Ее в заднюю телегу!

Татары потащили бьющуюся в истерике женщину к телегам. Анвар выбросил в канаву тело и голову ребенка.

Вскоре вернулись Данис и Бахет, вскочили в седла.

– Что?.. – спросил Анвар.

– Приказ исполнили.

– Как баба?

– Бьется. Мы привязали ее к телеге.

– Якши. Едем. Я впереди. Ты, Данис, за мной, смотришь по сторонам. На тебе, Бахет, тыл.

– Разве кто-то может нас преследовать? – спросил Данис.

– Русских ратников здесь нет. Но не исключено, что в деревне остался в живых кто-то из мужиков. Он может потерять рассудок и догнать нас. Ты хочешь получить копьё или стрелу в спину?

– Нет. Я все понял.

– Посему надо быть внимательными. Вперед!

Три всадника догнали стадо и пошли за ним.

К ним подъехал Надир и спросил:

– Что с той бабой и больным ребенком?

– Я сделал все, что ты приказал, – ответил Анвар.

Главарь усмехнулся.

– Надеюсь, ты не изнасиловал ее?

– Нет, ты же не велел.

– Ребенок?..

– Я отрезал ему голову.

– Баба в себе?

– Ты же мимо проезжал, должен был ее видеть и слышать.

– Не заметил. Значит, смирилась либо лишилась сознания.

– Из нее плохой ясырь будет, господин, коли она сойдет с ума.

– Тогда ты ее получишь для своих забав.

– Якши, я согласен.

– С тылу ничего подозрительного не проявилось?

– Нет, господин.

– Смотрите, до большого привала еще пять верст. Там отдохнем. На тебе, Анвар, охранение.

– От кого, Надир-ага?

– Ты плохо слышал меня?
– Прости, я все понял.
Надир погнал коня вперед.

Глава 2

Эта неровная поляна по размерам превосходила все те, по которым отряд Надира уже прошел. Но ее преимущество состояло только в этом. В остальном же это было довольно опасное место, очень удобное для обустройства засад.

Надир был хитрым, коварным, беспощадным и в то же время очень осторожным военным начальником. Он видел это, но серьезно в расчет не брал. Русскому войску, даже малой дружине здесь появиться было неоткуда. Ближайшим укрепленным пунктом русских был Бабаев. Небольшая крепость с дружиной, состоящей всего-то из сотни воинов. Таких в приграничных местах немало.

Там наверняка знали уже о нападении татар на деревню Дерга, но что мог предпринять воевода? Сразу после этой беды – ничего. Потом он наверняка отправил немногих людей и велел им посмотреть, что случилось с деревней. Преследовать отряд русские не могли.

Однако порядок есть порядок. Охранение ставить надо всегда и везде, даже на своей территории.

Десятник выбрал для стоянки и привала именно эту елань лишь благодаря ее размерам. Там свободно уместятся ратники и пленные, можно пасти своих коней и скот, захваченный в деревне. Есть родник с холодной водой, чистой как слеза. Ее вполне хватит для людей и животных.

Да, Надир видел, что елань разрезана буераками, особенно с юга. От леса к самой ее середине тянутся кусты. Он понимал, что для полного перекрытия подходов к лагерю и всего отряда не хватит, но не волновался по этому поводу. Нападать некому. Охранение десятник выставлял лишь ради формальности, дабы воины не особо расслаблялись.

В то время, когда Надир разговаривал с Анваром, до большой поляны оставалось пять верст. Налетчики с добычей и полоном могли преодолеть их самое малое за два часа хода.

Тут на поляну из густого леса выехал всадник. Это был не татарин, ногаец или черемис, не представитель какой-либо другой народности, проживающей в пределах Казанского ханства, а русский воин Боян Рябой. Он укрылся за ветвистой молодой березой и внимательно осмотрел елань, особенно западную ее часть.

Там, в лесу, была прореха, бывшая дорога, которая превратилась в тропу. Причина этого состояла в том, что торговые люди прекратили пользоваться ею. Они освоили водные пути поставки различных товаров. Несмотря на враждебные отношения русских земель с ханством, торговля между ними не прекращалась, хотя и значительно уменьшилась из-за грабежа судов. Сухопутные же пути купцы теперь обходили. Добираться по ним дольше и опаснее, чем по рекам. Торговых людей дочиста обирали не только ордынцы, но и шайки русских разбойников, которых в приграничных землях вполне хватало.

Рябой осмотрел елань и поднял руку.

К нему выехал отряд, совсем небольшой, численностью в дюжину воинов. Впереди воевода, княжич Савельев. Ему недавно исполнилось двадцать три года, столько же, как и большинству рядовых воинов. Но его часто называли по имени-отчеству, Дмитрием Владимировичем, тем самым признавая заслуги этого рода перед всей Русью.

– Ну что, Боян?

– Вот она, Большая елань. Ее еще называют Болотной. Это оттого, что чуть севернее, верстах в трех раскинулись непроходимые Губаринские болота. Мне о них рассказывал один московский ратник, который в Бабаеве служил.

– А почему Губаринские?

– Я тоже заинтересовался и задал ратнику тот же вопрос. Он объяснил, что некогда рядом с болотом жил отшельник Сергей Губарь. К нему ходили люди из Бабаева.

– Зачем?

– Отшельник славен был своими весьма дивными способностями. Хворых одним заговором лечил, изуродованных в прежний образ возвращал. Ратник говорил, что этот Сергей однажды слепому зрение вернул.

– Что же стало с этим отшельником? Помер?

– Пропал. Люди к нему пришли, а его нет. Куда делся, неведомо. Я так думаю, пошел куда-то по какой-то своей нужде, да в топь и угодил. Старый был, немощный.

– Ладно. – Княжич подал сигнал, и к нему подъехал весь отряд.

– Боян Рябой и Лукьян Балаш – на тропу! – распорядился Савельев. – Сейчас басурмане гонят по ней полоняников. Другого пути у них просто нет. Вскоре они должны выйти сюда, на елань. Вам, Боян и Лукьян, надо встретить врагов, оставаясь для них незаметными. Посчитать число татар и пленных, пропустить их и следовать за ними, но уже одному. Тебе, Балаш. Рябому обходными тропами скоро отправляться ко мне. Татары и пленники двигаются медленно. Даже пропустив их, ты, Боян, все равно успеешь прийти сюда раньше.

– Где ты будешь находиться, княжич?

– На это у меня ответа нет. Сам не знаю. Но мы тебя обязательно увидим. Вам задание понятно?

– Да, княжич, – ответил Рябой.

Дозор пошел через поляну к прорехе, к лесной тропе.

– Кузьма Новик и Истома Уваров смотрят восточную часть от сдвоенной ветлы! – приказал Дмитрий. – Видите ее?

– Видим, княжич, – ответил Новик.

– Вам надо найти место, откуда нам удобнее всего будет напасть на татарский стан.

– Это смотря где собака Надир разместит его.

– Об этом догадаться несложно. Близ буераков и балок неудобно, у леса тоже. А вот посредине поляны есть ровная площадка недалеко от выступа кустарника. Там и стан разбить легко, и хвороста для костров набрать можно. Рядом луг, ручей. Чем не пастбище для коней и стада? Или я не прав, друзья мои?

Гордей Бессонов, самый старший в отряде, опытный воин, не раз бившийся с басурманами, заявил:

– Ты все верно говоришь, княжич. Посредине елани и встанут татары.

Воевода посмотрел на Истома Уварова.

Тот пожал плечами.

– А я что? Я ничего. Встанут, вот и хорошо.

– Старшим будет Кузьма Новик! Как определитесь, доложите мне. Может, какое другое удобное место отыщете. Только все делать надо очень быстро, друзья.

Новик с Уваровым ушли на восточную сторону поляны. В южной балке воевода оставил Бажена Кулика и Лавра Нестерова, на выступ кустарника направил Тараса Дрогу и Филата Черного.

– Вы будете ближе всего к басурманам и пленным, – сказал он им. – Кусты они обязательно проверят, так что подберите два места, где вас не заметят татары, а вы сможете видеть весь их стан.

На западную опушку пошли Надежда Дрозд и Осип Горбун. К ней должны были выйти и дозорные. С княжичем остался Гордей Бессонов.

Отправив ратников, воевода взглянул на него и распорядился:

– Подбери место для нас, потом объезжай лесом елань, выбирай пути прохода до ее середины. Мы с тобой будем брать Надира. Так что следи, где он остановится.

– Понял, княжич, дозволю исполнять повеление?

– Исполни.

Скрылся в лесу и Бессонов.

Княжич остался один, соскочил с коня, присел на землю, прижался спиной к березе и задумался.

«Из Москвы мне писали, что рать мурзы Захира насчитывает около сотни воинов. Хотя таких, которые схватывались с нашими ратниками в прямом бою, у него вряд ли наберется и два-три десятка. Остальные привыкли воевать с мирными людьми и безнаказанно разорять селения.

В этом для нас большой плюс. Наши враги, не имеющие опыта, в первой схватке не обретут его, скорее бросятся бежать.

Но это ладно. У мурзы четыре отряда по два десятка конных воинов. У Надира пятый, такой же. Еще столько же верных мурзе нукеров, воинов его личной охраны. Те в стане, который еще найти надо.

Все эти отряды пошли громить ближние к границе села и деревни. Они имели наказ мурзы избегать встреч с дружинами, обороняющими города и крепости.

Хотя воеводы не выпустят эти дружины за стены. Потому как басурмане не раз наносили отвлекающие удары. Они посылали отряды разорять мелкие деревни, подымали шум. Воеводы направляли для разгрома неприятеля своих ратников, ослабляли оборону городов. Вот тогда-то главные силы врага и нападали на них. Иногда наши ослабленные дружины сдерживали натиск, но нередко погибали, и басурмане захватывали города. Так было. Печальный опыт учтен. Поэтому никто из воевод не выпустит за стены ни одного ратника, озаботится обороной своей крепости.

Как ни удивительно это звучит, но сейчас в том для меня тоже немалый плюс. Десятник Надир знает о страхах русских воевод. Он уверен, что в приграничных землях нет силы, способной нанести сколько-нибудь существенный урон его отряду, не говоря уже о том, чтобы уничтожить его.

К тому же в Бабаеве есть люди, работающие на казанского хана. Воевода знает о них. Они раскрыты, но не задержаны. Через них можно передавать в Казань ложные сведения.

Мурза наверняка знает о том, что дружина осталась в Бабаеве. Он обязан был сообщить об этом командирам своих отрядов.

Это значит, что Надир идет сюда совершенно спокойно. Он уверен в своей безопасности.

Да, для поддержания порядка и дисциплины десятник заставит своих служивых осмотреть местность, в первую голову выступ кустарника, ближнюю полосу леса, выставит посты охранения. У него двадцать разбойников. Значит, постов может быть от силы два, потому как ему надо будет охранять и пленных. А это не менее трех-четыре человек. Ладно, может, он обойдется двумя. В полоне людей не так много. К коням надо поставить человека. Хотя не исключено, что Надир не станет этого делать. В общем, в охранение он сможет отрядить не более четырех басурман. Иначе его люди не получат полноценного отдыха.

Да и смысла в большей охране нет, коли отсутствует настоящая угроза. Значит, будет один пост и пара татар при пленных.

Где выгодно поставить пост? На небольшом холме, который у самой восточной опушки? Но там недалеко граница. Где-то в тех местах находится стан мурзы. С севера гиблые болота, с юга дремучий лес. Отряд Надира идет с запада. Значит, басурманам следует смотреть себе за спину, за той самой тропой, по которой они выйдут на елань.

Ладно, посмотрим. В любом случае первым придется уничтожить охранение. Это надо сделать тихо. Но тут особо мудрствовать нечего. В отряде есть лучники, которые попадают в яблоко со ста сажень. А тут с двух сторон не будет и пятидесяти, с запада да с севера немногим больше.

Таких мастеров у меня трое. Это Истома Уваров, Надежа Дрозд и Тарас Дрога, который будет ближе других к вражьему стану. Он и один снимет четверых татар-охранников.

Как только будут уничтожены караульные, следует провести единовременное нападение на басурман. Как это сделать, мне станет ясно тогда, когда я увижу их стан. Но и сейчас понятно, что такая задача вполне выполнима.

Лишь бы взять живым Надира. Только чрез него можно узнать, где находится стан мурзы.

А если этот нехристь упрется и не скажет?

Скажет, конечно, куда он денется? Церемониться с ним никто не собирается.

Вот только как говорить с десятником? Татарский у нас знает лишь Гордей, да и то кое-как. Сумеет ли он провести допрос?

У Бабаева к моему отряду должны были присоединиться два служивых татарина. Они переводчики и проводники. Эти люди хорошо знают приграничные земли, выходы к Волге и к самой Казани, места переправ, расположение татарских сельских поселений. Но к Бабаеву они не пришли. Почему, один Господь ведает».

И только княжич вспомнил о служивых татарах, как в лесу, где-то неподалеку треснула ветка.

«Гордей? – подумал Савельев. – Но он на обходе. Передовой дозор Надира?»

Он вскочил, выхватил саблю, встал за березу, приготовился к бою, но тут услышал:

– Княжич, успокойся. Мы проводники и переводчики, ожидаемые тобой.

– Назовитесь! – приказал Савельев.

Он знал тех людей, которые должны были вступить в его отряд.

– Анвар Байбак и Ильдус Агиш.

– Выходите к березе!

– Да, княжич. О, Всевышний!..

В лесу послышался шум борьбы.

Вскоре появился Гордей.

– Взяли басурман, княжич. Вот ведь собаки, как тихо подкрались! А откуда взялись?

Горбун кивнул на Бессонова.

– Гордей к нам вышел и заметил татар. Мы бегом сюда.

– Понятно. Отпустите их! – приказал княжич.

– Почему? – спросил Горбун.

– Это наши проводники и переводчики. Ко мне их!

Татары вышли из леса в сопровождении Гордея Бессонова. Горбун отправился обратно.

У одного из татар под глазом багровел синяк, у второго из брови сочилась кровь. Но они улыбались.

– Да, княжич, встречу ты нам подготовил знатную, – сказал один из них. – Велика же силища у того ратника, который сейчас ушел. Мы тоже люди не слабые, но у него кулак тяжелее кувалды.

Бессонов усмехнулся и сказал:

– Тебя, воин, ударил не тот, кто ушел, а я. Если бы он, то ты уже отдал бы богу душу. Да и я приложился легонечко, в четверть силы.

Служивые татары подошли к княжичу.

– Принимай пополнение, воевода.

– Почему вас не было у Бабаева вчера? – спросил Савельев.

– Не успели. Конь Анвара ногу сломал. Пришлось на моем добираться. На закате были в десяти верстах от Бабаева, заночевали в лесу. А как просветлело, увидели дым. Он поднимался над деревней Дерга. Подумали, пожар. Но с чего? Сейчас тепло, ночью печи не топят. А дым сильный. Это даже не один дом горел. Мы поняли, что на деревню напал отряд мурзы Захира,

будь проклят весь его род. Ты уже должен был уйти. Мы решили отправиться в Дергу. Тем более что поймали коня, который, скорее всего, оттуда и убежал.

– Зачем в Дергу?

– А если кто уцелел и нуждался в помощи?

– Кто там мог уцелеть?

– Не спеши, княжич. Мы нашли выживших.

– Да ты что? Расскажи, как и что было в деревне, когда вы пришли туда.

– А время есть? Отряд, который разорил Дергу, уже близко.

– Рассказывай. За тропой смотрят. Как объявятся казанцы, мы узнаем.

– Хоп. Слушай! Сперва мы увидели мальчишку лет пяти, зовут Иваном. В лесу встретили, ушел тайным ходом, который был в клети. Их двор оказался одним из первых, в который ворвались татары. Семья не спала из-за болезни сестренки, которой было два годика. – Агиш передал историю спасения мальчишки и продолжил: – Выслушав его, мы вошли в избу. Странно, но она уцелела. Сгорела только береста на крыше. Мы внутрь, а там мужик, прибитый к стене копьём в красном углу под киотом. Потом мы прошли в клеть, а там... – Татарин замолчал.

– Что? – спросил княжич.

– Там мать и дочь. Женщина без головы, дите же разрублено на три части.

Савельев стиснул зубы.

– Попался бы мне тот урод, который убил их!

– Он в отряде Надира, так что ты с ним свидишься.

– Дальше! – повелел воевода.

– Идем по деревне, и вдруг из пожарища поднимается человек, весь черный. Это оказалась баба, Лукерья Вострых. Уже в возрасте, ей под сорок, вдовая. Она и порассказала нам, что вытворяли в деревне головорезы Надира. Только баба да малец и выжили. За овином мы нашли труп еще одного парня. Лукерья сказала нам, чтобы мы похоронили его да семью из крайнего дома, а потом с мальчишкой пошла в Бабаев, дабы рассказать все воеводе. Еще видели мы могилу мусульманина. Видать, тот мужик, который был прибит к стене, убил его. В избе на полу валялись окровавленная сабля, половинки татарского щита. Кровь рядом. Дрался мужик, да не смог защитить семью, хотя сын его спасся. Потом пошли мы по следам отряда Надира. Недалеко в лесу нашли трех стариков и старуху, которым перерезали горла. Повернули в лес, вышли сюда. Это все. Извиняй, княжич, но тебе надо было делать засаду у деревни. Тогда ты и извергов настиг бы, и людей спас бы.

Савельев кивнул и сказал:

– Надо бы. Но мы, как и вы, не успевали к деревне. Переправа чрез реку задержала. Мы знали, что НаDIR пойдет на Дергу, и ничего сделать не могли, сумели лишь выйти сюда. Нынче поутру отряды Захира должны были напасть еще на деревни Веселка и Покровка, а также на село Броды. Один его отряд идет сюда, ведомый НаDIRом. Другой, под началом Рустама, должен был разорить Веселку. Мирза и Саид пошли на Броды и Покровку. У меня нет никакого сомнения в том, что все эти селения уже разорены.

– Отчего вы не прикрыли их? – спросил Баймак.

– Кем? Какими силами? На этих землях только один Бабаев и стоит.

Тут голос подал Агиш:

– Но предупредить людей об опасности можно было?

Княжич опустил голову и сказал:

– Нет. Селения разбросаны верст на двадцать от крепости, никак не менее. Да, все они на берегу Колвы, но на лодках до них добираться слишком долго. Ханша казанская Сююмбике не хотела отпускать этого Захира в набег, но не могла остановить его. Тот был любимчиком ее покойного мужа Сафа-Гирея. Он является родственником крымского хана. То, что не позво-

лено другим, разрешено Захиру. А тому же сидение в Казани в тягость, ему вольница нужна, кровавая потеха. Многие считают, что на крови он совсем лишился разума. Но на землях ханства разбой не устроишь, а рядом пограничные земли Руси. Поначалу мурза вроде не замыслил разбой, а потом вдруг неожиданно собрал сотню, переправился чрез Волгу и пошел сюда. Покуда гонец с известием о том прибыл в Москву, мурза уже разбил стан где-то в этих местах. Посему мы здесь. Нам велено уничтожить сотню Захира, взять его живьем и доставить к царю.

Агиш, как это принято у восточных людей, цокнул языком.

– Сложная задача для столь малого отряда. С Надиром мы, конечно, справимся, княжич, а далее что? Пусть мы возьмем живым десятника, и тот поведаст, где стан мурзы. Но ведь Захир легко сменит место или уведет свои основные силы к Волге, а оттуда – в земли ханства.

Княжич покачал головой.

– Нет, побитым псом мурза не пойдет в Казань. Он знает, что сильной дружины тут быть не может. Решит, что какой-то пограничный отряд нарвался на Надира, и устроит охоту за ним. То бишь за нами. А мы ему поможем. Но это все потом. Дрозд подает сигнал. К нам идет разведчик.

Скоро к поляне из леса вышел Балаш.

– Пить хочется, – сказал он.

Ему дали бурдюк с родниковой водой.

Напившись, Балаш вытер усы и доложил:

– Княжич, татары верстах в четырех отсель. Идут медленно, хоть пленных и погоняют. При них скот, две повозки со скарбом и женщиной.

– Женщиной? – переспросил Савельев.

– Да, Дмитрий Владимирович, женщиной, молодой еще, да, видать, безумной. Спутана веревками и еще ремнями к телеге привязана.

– С чего бы это? – спросил Бессонов.

– Я тоже подумал о том. Решил пройти на запад и нашел обезглавленное тельце младенца. Мальчика. Это, наверное, ее сынишка. Мать, понятное дело, билась за дитя, да разве могла справиться? Вот и помутился рассудок. Резать ее басурмане не стали. Женщина красивая, статная, для продажи негодна, а вот для утехи вполне подходит.

– Собаки бешеные! – Княжич взглянул на разведчика и спросил: – Когда, по-твоему, Лукьян, татары выведут пленников сюда?

– Думаю, к закату.

Савельев посмотрел на небо и повелел:

– Тебе, Балаш, с Рябым выйти к Дрозду! Вас там будет четверо. Пропустите татар и наглухо закройте тропу. Надеже Дрозду быть в готовности стрелами снять караульных. Пусть бьет их, как только услышит крик совы. И тут же нападаем!

– Да, княжич, понял.

– Ступай!

Балаш скрылся в лесу.

Воевода разрешил служивым татарам отдохнуть в ближних кустах и сказал Бессонову:

– Объедем наших, Гордей, покуда есть время, и доведем порядок действий.

– Слушаюсь, Дмитрий Владимирович!

Воевода и ратник подъехали к восточной опушке. Из кустов вышли Кузьма Новик и Истома Уваров. У того за спиной висел лук, сбоку – колчан со стрелами.

Княжич посмотрел на елань и проговорил:

– Татары встанут сажень в пятидесяти от вас. Чуть ближе – глубокая балка с довольно крутыми склонами. Лучшего места для невольников не найти. Их будут охранять. Тебе, Истома, придется прибить караульных, которые окажутся возле пленников. Сможешь?

– Обижает, княжич. Две стрелы, и басурман нет.

– Хорошо. Далее нападаем на ближних татар, которые отойдут к склону. – Савельев еще раз осмотрел поляну. – Здесь, с этой стороны, держать табун и стадо татары не будут. Лучшее место – на севере. Бить всех, кто попадет под руку, но только не главаря Надира. Тот нужен мне живой.

– А как распознать его? – спросил Новик.

– Распознаешь. У басурманского начальника, даже мелкого, и одеяние богаче, и доспехи лучше. Может, и шатер для него поставят, но это не обязательно. Скорее всего, главарь будет среди рядовых, но там, где их больше. Рядом с ним постоянно должен держаться один из нукеров, личных охранников. Он может быть и помощником, и гонцом.

Новик кивнул.

– Все понятно, княжич, не волнуйся, мы свое дело сделаем.

– Уничтожение караульных и нападение по крику совы. Ежели у вас что пойдет не так, зажигайте факел. Подойду я с Бессоновым и служивыми татарами.

– А что, объявились они?

– Объявились.

Уваров усмехнулся и спросил:

– Неужто заплутали эти проводники?

– Нет. Они были в Дерге.

Савельев коротко поведал воинам о бойне в деревне.

Лица их помрачнели.

– Ни одна собака не уйдет отсюда живой! – процедил Новик.

– Не забывайте о главаре.

– Помним. Того не тронем, тебе, воевода, оставим.

– Вот и хорошо. Прячьтесь, наблюдайте.

– Все как надо сделаем, княжич.

Савельев с Бессоновым проехали краем елани до северной опушки и никого не увидели.

– Дрога, Черный! – крикнул Бессонов.

Воины выросли как из-под земли. Да так оно и было. Они устроились в канаве, закрылись ветками сосен. С сажени не видать.

– Тут мы!

– Молодцы, место подобрали хорошее. Вас не только с середины поляны не увидишь, а и в упор, – проговорил княжич. – Так оно и надо.

Савельев определил задачу и этим ратникам. Тарас Дрога должен был пустить в ход лук и стрелы в случае, если Уварову и Дрозду не удастся с первого раза положить охранение. В остальном то же самое, что и ратникам, разместившимся восточнее, – нападение на татар, уничтожение всех, кроме главаря.

После княжич и Бессонов навестили Дрозда, Горбуна и разведчиков Рябого и Балаша, примкнувших к ним. Состоялся короткий разговор, в котором особое место было тоже отведено действиям лучника. Княжич велел известить его о подходе татар с полоном криком кукушки.

Далее воевода с ратником проехали к южной балке. Их встретил Бажен Кулик. Он показал им место, выбранное для нападения на врага, и запасное, на случай осмотра татарами елани.

Потом княжич с Бессоновым вернулись к месту, где отдыхали служивые татары. Оттуда Савельев еще раз оглядел поляну. Ратников не видно, кони спрятаны, но они рядом, на мордах мешки с овсом. До того их напоили. Все готово.

Теперь оставалось дожидаться появления татар с невольниками и посмотреть, как они разместятся на поляне. Потом княжич должен был внести изменения в общий план своих действий, если таковые понадобятся, и ждать наступления сумерек.

Наступило затишье. На востоке небо потемнело. Дождь сейчас был бы некстати, но туча прошла стороной и пролилась где-то за рекой Колвой. Появилось солнце.

Оно уже начало склоняться к западу, как от тропы донесся крик кукушки. Это был сигнал Надежи Дрозда. Такие же звуки долетели с севера, с востока и с юга из балки. Это означало, что сигнал принят всеми ратниками. Внимание воинов и княжича сосредоточилось на западной лесной прорехе, откуда тропа выходила на поляну.

Первыми на край елани выехали Надир и его нукер Вали. Десятник внимательно осмотрел поляну, даже принюхался. Уж что за запах он желал уловить, вестимо было только ему.

Потом он подозвал к себе Батуллу и сказал:

– Поедем посмотрим елань.

– Вдвоем?

– Ты кого-то боишься?

Батулла принял гордый вид.

– Я никого не боюсь. Но привык всегда соблюдать осторожность.

Надир хорошо знал Батуллу.

Он усмехнулся и спросил:

– И кто может быть здесь кроме нас?

– Для того чтобы убить нас, достаточно одного опытного русского охотника, который вполне может промышлять здесь.

– Если мыслить так, Батулла, то нам по всему пути надо выставлять дозоры. Ты должен знать, что русские охотники не удаляются от своих поселений на значительные расстояния. Это им просто не нужно. Зверья и птицы здесь полно даже на окраинах деревень.

Батулла смутился. На самом деле он был столь же хитер и безжалостен, сколь и труслив. Особенную храбрость он проявлял, когда ему доводилось грабить беззащитные русские села и деревни. Вот тогда этот герой смело бросался за добычей.

– Едем! – повторил приказ Надир. – По краю поляны, затем в центр.

Они повели коней на восток, объезжая балки, буераки, обогнули выступ кустарника.

Здесь Надир остановил коня и сказал:

– Плохо.

– Что плохо, ага? – спросил Батулла.

– Плохо, что на поляне торчат эти кусты.

– Мне посмотреть их?

– Да, причем хорошенько.

Батулла поехал вдоль кустов. Он внимательно всматривался в них и не увидел ничего, что могло бы вызвать подозрения.

Батулла вернулся к десятнику и доложил:

– Все чисто. Никого. И еще я заметил, что птицы ведут себя спокойно. Они увидели нас, чуть покричали и утихли.

– Не ты один такое заметил. Но за этим выступом надо смотреть. Впрочем, нам в любом случае придется выставлять посты охранения. Нет, вовсе не потому, что я вижу угрозу. Так должно быть всегда и везде, даже в собственном доме.

– Никто и не спорит с этим, Надир.

– Едем дальше.

Они обогнули елань, вывернули к ее середине, осмотрели глубокую балку с крутыми склонами.

Надир довольно проговорил:

– Здесь все играет в нашу пользу. Я ломал голову, где держать ночью невольников. Эти русские мужики и бабы отчаянные люди. Они могут и бунт поднять, напасть на нас, даже не

имея оружия, и разбежаться по лесу. А тут овраг. Лучше не придумаешь. Загоним вниз всех невольников, сверху поставим воинов, двух сменных. И никуда эти скоты не денутся. Значит, здесь двое охранников. Они будут меняться чрез два часа, чтобы хорошо отдохнули все. Надо только отделить от пленных пару баб, чтобы приготовили еду для этих бродяг. Старую клячу забьют твои люди. Ты же отбери и баб. Остатки мяса положи в телегу.

– Протухнет.

– Значит, на последнем дневном привале полоняники будут жрать тухлятину. Да, воды им надобно дать.

– В телегах места нет, как в одну из них положили сумасшедшую бабу!

Надир сморщился и распорядился:

– В овраг ее, ко всем! Пусть отхаживают. А подохнет, так и шайтан с ней. Все одно это ясырь Анвара. Он ее лишил разума, пусть и забирает.

Физиономия Батуллы расплылась в довольной ухмылке. Он опасался Анвара, завидовал ему, ненавидел его. Поэтому такие слова начальника отряда пришлись по душе Батулле.

Надир же проехал немного вперед, указал на большую ровную площадку, занимающую середину поляны, и проговорил:

– Стан будет здесь. И от леса далеко, и пастбище с водой, и невольники рядом.

– Верное решение, Надир.

– Не тебе оценивать мои решения.

– Извини, господин.

– Езжай на тропу, приведи сюда Анвара, Динара, Вали и Бакшана.

– Слушаюсь!

Вскоре все указанные воины собрались возле главара.

Он указал на середину поляны и заявил:

– Здесь будет стан. Южнее, в двадцати саженях от выступа кустарника – пост из двух воинов. Восточнее – овраг с крутыми склонами. Туда загоняем невольников. Ими займется Батулла. Анвару и Динару отрядить ему по два человека. К табуну отправить Ядгара. Бакшану начать готовить еду для отряда. Кормежкой невольников займутся их бабы. Забейте старую клячу, которую гнали от деревни. Половину отдать, остальное в телегу вместо сумасшедшей бабы. Ее отправить в овраг. Туда же сразу загнать всех невольников и приглядывать за ними. Сейчас надо осмотреться, подготовить места отдыха, выгнать коней и деревенский скот на пастбище, расположенное на северной стороне. Потом молитва, как того требует наша вера. Это все. Вопросов у вас нет! Занимайтесь тем, о чем я сказал.

Главари пятерок пошли к своим людям, которые уже стояли на середине поляны.

Вали, верный нукер Надира, подошел к нему и сказал:

– Господин, тучи закрывают небо. Птицы пока летают высоко, но может пойти дождь.

– Я и без тебя это вижу, и что?

– Дозволь, ага, я тебе шалаш сделаю, почти незаметный, но очень удобный и сухой? Мне известно, что ты привык быть с воинами, но я слышал, что Анвар говорил о шалаше для себя. Если твой помощник может так отдыхать, то почему ты нет?

– Анвар решил соорудить для себя шалаш?

– А разве ты запрещал это?

– Не запрещал, но... хотя шайтан с ним. Это его последний поход с моим отрядом. Пусть мурза переведет Анвара к какому-нибудь другому начальнику. Надоел он мне.

– Так сделать?

– Чего?

– Шалаш, господин.

– Да, делай. Все же я не рядовой воин.

– Воистину так!

– И помоги Бакшану.

– Я всегда ему помогаю.

– Лепешки мы испечь не сможем, нет тандыра. Пеките караваи, как русские. Для этого в телеге есть кусок железа, там же масло в чане.

– Да, господин. Дозволь удалиться?

– Ступай!

За движениями татар внимательно следили воины княжича. Он расчистил небольшой кружок от травы и делал на нем заостренной палкой какие-то обозначения.

Солнце постепенно уходило на запад. Татары помолились. Нукер Вали соорудил посредине елани небольшой шалаш для Надира, потом помог повару приготовить еду. Налетчики отужинали и разошлись по поляне.

Две женщины-невольницы сварили похлебку для своих собратьев по несчастью. Татары зарубили старую клячу, дали мясо, крупы.

Они перетасили невменяемую женщину с телеги в овраг, загнали туда всех невольников. Их освободили от пут только на время еды, затем связали вновь.

На охрану, как и предполагал княжич, десятник Надир выставил двух человек. Еще пару он отправил на пост, представлявший собой яму с насыпанным невысоким валом.

Когда наступили сумерки, княжичу стало ясно, как и где расположились татары, невольники, охрана и табунщик. Теперь ему надо было уточнить задание ратникам.

Он выехал на восточную окраину поляны, там, в буреке, собрал около себя Кузьму Новика и Истому Уварова. Савельев повелел им уничтожить татар, охранявших невольников, а потом идти по ложбине к краю елани, где пасся скот.

– Там вы соединитесь с Тарасом Драгой и Филатом Черным, потом все вместе нападете на тех басурман, которые расположились на отдых на северной части ровной площадки. Выходить к пастбищу надо скрытно.

– Так оно и получится, если ночью пойдем, – сказал Новик.

– Мы пойдем в самом начале утренних сумерек. Поляна уже будет просматриваться, пусть и плохо. Так что идти осторожно, если надо, то и ползком. Понятно?

– Понятно, княжич.

– К шалашу не приближаться.

– К какому? – спросил Уваров. – Их два. Один в середине поляны, другой чуть западнее.

– К тому, что в середине.

– Ясно. Сделаем.

Княжич добрался до Тараса Дроги и Филата Черного. Им он определил то же задание, что и Новик с Уваровым, с той разницей, что эти воины перед атакой должны были дожидаться подхода своих друзей с востока. Предупредил их княжич и о шалаше.

Потом он лесом проехал к тропе. Там были Надежда Дрозд, Осип Горбун, Лукьян Балаш и Боян Рябой. Их задача оставалась прежней. Лучник Дрозд должен был снять татар, стоявших на посту. Вслед за этим воины атакуют группу татар, расположившуюся в западной части поляны. Они тоже получили строгий запрет на приближение к центральному шалашу.

После этого княжич навестил Бажена Кулика и Лавра Нестерова.

– Вам, ребята, надо будет положить тех двух татар, которые разместились у шалаша. Если попадут под руку еще какие-то, то и их. В сам шалаш никому не входить!

Кулик кивнул.

– Ясно, княжич.

Напоследок, уже вернувшись на свое место, княжич позвал к себе Гордея Бессонова, служивых татар Анвара Баймака и Ильдуса Агиша.

– Мы с вами идем на тех татар, которые разместились в западной части поляны, недалеко от оврага с невольниками. – Дмитрий взглянул на Бессонова и продолжил: – Побив их, мы с

тобой, Гордей, валим шалаш и вытаскиваем из него Надира. Запомни, что бы он ни делал, как бы ни отбивался, его надо взять живым!

– Тут и мы можем помочь, – сказал Баймак.

– Будете рядом с нами, – сказал княжич. – Понадобится – подсобите. Если мы упустим шайтана Надира, то вы схватите его. Но только живым!

– Ясно, княжич.

– Вот вроде и все. Теперь нам осталось самое тяжелое – ждать. Отдыхать будем по очереди. Как чуть посветлеет, так и начнем.

– Да, княжич.

Вскоре солнце ушло за горизонт, и на поляне сразу потемнело. Поднялся ветер, отогнал тучи, и небосклон расцвел россыпью звезд. Их холодный свет позволял хоть как-то отслеживать обстановку.

Летние ночи короткие, не успеет мгла опуститься на землю, как уже утренние петухи поют. Здесь их не было, но с каждой минутой на поляне становилось все светлее.

Княжич повернулся к Бессонову и приказал:

– Пора, Гордей! Начинаем!

Заухала сова.

Надежда Дрозд и Уваров тут же натянули тетивы луков. То же самое сделал и Тарас Дрога, но вступать в дело ему не пришлось. Стрелы, выпущенные Дроздом и Уваровым, насквозь пробили тела татар, несших караульную службу.

Русские ратники обнажили сабли и без криков, молча, бросились на вражеский стан. Но сражения как такового не произошло. Нападение было столь дерзким, стремительным и неожиданным, что татары ничего не успели сделать. Воины княжича порубили их спящими.

Только Анвар, который в эту ночь маялся бессонницей, услышал подозрительный шум и схватил саблю. Он выбил заднюю часть шалаша, выскочил на поляну и оказался перед богатырем Осипом Горбуном. Помощник десятника поднял саблю, дабы нанести рубящий удар, но тут же так получил кулаком по физиономии, что отлетел на сажень и грохнулся без чувств на мягкую траву.

Княжич приказал уничтожить всех татар, кроме жоака, но Осип подумал, что еще один язык лишним не будет. Он навалился на татарина, связал его.

К этому времени все головорезы Надира были порублены. Большая часть русских воинов сгруппировалась вокруг шалаша.

К нему подошел Бессонов и мигом повалил. НаDIR проснулся и открыл глаза, в которых металось непонимание происходящего и ужас.

Княжич поднял саблю.

– Нет! Не убивай! – заорал НаDIR.

Княжич опустил оружие и сказал Бессонову:

– Оттащи его в сторону и свяжи покрепче. – Он повернулся к ратникам и распорядился: – Всем в овраг, освободить людей, вывести на поляну! Да поаккуратнее, там женщины, дети, могут быть и раненые.

– Раненых они добивают, княжич! – проговорил Бессонов.

– И все одно аккуратнее.

Дружинники пошли к оврагу.

Тут Горбун и Балаш подтащили к княжичу связанного татарина.

– Кто это? – удивился Савельев.

– Да тот самый господин, который устроил для себя второй шалаш. Не спал, видать, гаде-ныш, услышал шорох, хотел бежать, да на меня нарвался, – ответил Горбун. – Ну а я ему в

морду. Связал потом. – Ратник посмотрел на свой кулак и добавил: – И чего это он отлетел как чучело, даже саблю свою потерял? Бил-то я слегка.

Княжич усмехнулся.

– А если бы со всей силы врезал, то голова этого господина отлетела бы прямиком вот сюда.

– Может, так и случилось бы. Но коли тебе не нужен этот басурман, то я добыю его.

– погоди. Это всегда успеем. Пусть пока поживет.

Неожиданно зашевелился еще один окровавленный татарин.

– Глянь, княжич. – Балаш указал на него. – Этот вот тоже выжил.

– Лукьян, посмотри, как он ранен. Если серьезно – руби, нет – подыми!

– Понял.

Выжившим оказался повар Бакшан. Он с ужасом смотрел на русских богатырей.

– У него всего лишь порез на руке, чуть выше локтя.

– Это кто ж так его бил, что нанес лишь царапины? Ладно, – сказал княжич. – Что бог ни делает, все к лучшему.

Тут из оврага показались пленники. Впереди шли мужики, которые тащили на себе обезумевшую и не реагирующую ни на что женщину. За ними шагали бабы и дети. Все они на минутку присели на краю оврага, осознали, что свободны, бросились к княжичу, упали перед ним на колени.

– Ну что вы, люди, не надо так.

– Спаситель ты наш, назовись, дабы мы могли молиться за тебя и твоих ратников.

– Дмитрий я, люди добрые. И встаньте с колен.

Радость тоже иногда сводит человека с ума. Невольники, теперь уже бывшие, поднялись, немного успокоились.

Но тут безумная женщина, смотревшая на все отрешенно, увидела связанного Анвара. Что-то блеснуло в ее глазах. Красивое лицо исказила гримаса ненависти. Она подскочила к пленнику и стала бить его своими маленькими кулаками.

Княжич, видя это, приказал:

– Воины, оттащите женщину!

Гордей Бессонов без труда поднял Марину.

К ней вернулся рассудок, и она крикнула:

– Отдайте мне его. Это он убил моего сына.

Бессонов и другие воины посмотрели на Савельева.

– Вот оно что. Подведите ее ко мне.

Бессонов сделал это.

– Велико твое горе, женщина. Как звать тебя?

– Марина. – Она указала на связанного Анвара. – Это он отрезал голову моему сыну. У малыша болел животик, он плакал, досаждал проклятым басурманам. Их главарь обещал мне прислать знахаря, а отдал этому поганцу. Вот он и вылечил ребенка, собака. Отдай мне его воевода, а потом убей меня. Не хочу жить.

– Грешно так говорить, Марина.

– А резать младенцев не грешно?

– Успокойся. Он понесет заслуженное наказание.

Голос подал повар банды:

– Господин, прошу не убивать меня. Я знаю, что еще сделал Анвар.

– Кто? – Княжич повернулся к пленному татарину, легко раненному в руку.

– Он. – Повар ткнул пальцем. – Это Анвар, помощник Надира.

– И что же он сделал?

– Он еще убил мужика в деревне, хотел насильничать его жену, лишил жизни и бабу, и ее дочку. А еще Анвар зарезал стариков.

Ратники и невольники угрожающе загудели.

– Смерть собаке! – крикнул кто-то.

– Смерть! – проговорили уже несколько человек.

– Поднять его! – приказал княжич.

Воины подняли Анвара и поставили его перед своим воеводой.

– Погулял, пес? – спросил княжич и всадил в него железный взгляд.

Татарин неожиданно рассмеялся и ответил на русском:

– От души погулял, воевода. Много неверных порезал. За это мне будет рай на небесах.

– Княжич, да этот пес издевается над нами. Убей его! – выкрикнул какой-то воин.

– Тихо! – Савельев поднял руку, сблизился с Анваром и проговорил:

– Рай, говоришь, ждет тебя? А разве туда попадают воины, лишившиеся оружия в бою?

– Вы захватили меня не в бою.

– Ну да, на игрищах. Значит, много наших людей убил?

– Много. Баб, мужиков, стариков, детей, чтобы выродилось ваше неверное племя.

Крики усилились, все требовали прикончить татарина.

Княжич же не спешил.

– Я обязательно убью тебя, поганый шакал, – заявил он. – Ты умрешь быстро, если скажешь, где находится стан мурзы Захира. Будешь молчать – отдам этой женщине, сына которой ты убил, и всем невольникам. Они будут тебя на куски рвать, а ты – молить о скорой смерти. Выбирай.

– Ничего я тебе, неверный, не скажу. – Анвар плюнул, и его окровавленная слюна попала на носок сапога Савельева.

Княжич вытер его о траву и заявил:

– Ладно. Ты сделал свой выбор. Главаря сюда!

Воины подвели к нему Надира.

Тот был хмур, глазки его бегали. Он искал выход из создавшегося положения и не находил его.

– Вопрос к тебе, Надир.

– Я не понимаю!

– Вот как? Сейчас будешь понимать. – Княжич подозвал Баймака. – Анвар, переводи.

– Да, господин.

Надир разразился быстрой гневной речью.

– Что он? – спросил Савельев.

– Ругается. Проклинает меня за то, что я продался вам.

– А ты чего молчишь? Объясни ему, что никогда не был в услужении ни у казанского, ни у крымского хана.

– Объяснить? Это можно. – Анвар резким прямым ударом разбил рот десятника.

Тот устоял на ногах, но выплюнул пару зубов вместе со сгустком крови и замолчал.

– Да, действенное средство. А теперь спроси у него про стан мурзы.

Анвар задал вопрос.

Надир отвернулся и ничего не сказал.

– Смотри, какой упрямый. Ну так скажи ему, что если будет молчать, то с ним произойдет то же самое, что сейчас случится с Анваром, его помощником.

Служивый татарин перевел слова княжича.

По физиономии Надира прошел тик, он слегка побледнел, но продолжал стоять, отвернувшись.

– Хорошо. Гордей, поверни его башку в сторону помощника.

Бессонов схватил главаря за голову, повернул ее.

Княжич обратился к невольникам:

– Пред вами дикий зверь, помешавшийся на крови. Вы знаете, что он сделал. Вы просили отдать его вам, так?

– Так, воевода, – провозгласила вся толпа разом.

– Осип, развяжи его, – сказал княжич Горбуну.

– Кого? Эту собаку?

– Да, эту собаку. И смотри, чтобы не дал деру, а то придется гоняться потом за ним по всей елани.

– От меня не убежит. – Горбун подошел к пленнику.

Тот отшатнулся при виде того богатыря, который так легко уложил его.

– Ну что, собака, молись, когда резать веревки буду.

Помощник главаря понял, что сейчас произойдет, и взмолился:

– Не делай этого, воевода, убей сам, ты же воин, а не палач.

На этот раз княжич сделал вид, что не слышит пленного.

Горбун освободил голову от оков, но держал за шею.

– Он ваш, люди! – сказал княжич недавним невольникам.

Первой на негодя бросилась Марина. Она сумела выхватить из сапога Балаша тесак и ударила им татарина в пах. Тот взвыл от боли, но кричал недолго. Толпа подмяла его.

Когда люди отошли, перед Надиром открылась страшная картина. Его помощник был буквально растерзан.

Княжич сказал переводчику:

– Спроси у десятника, будет ли он говорить?

Служивый татарин так и сделал.

Надир опустил голову и попросил:

– Уберите повара.

– Зачем? Позор тебе уже не страшен. Ты все одно умрешь. Разница лишь в том, быстро или так же, как твой помощник.

– Стан мурзы на берегу Колвы, в десяти верстах отсюда, если идти на северо-восток, где кончаются Губаринские болота, – проговорил Надир, а Анвар перевел его слова.

– Отряды Рустама, Мирзы и Саида сегодня выходили на Веселку, Броды и Покровку?

Надир с удивлением посмотрел на княжича.

– Тебе и это известно? – перевел Баймак его вопрос.

– Так выходили?

– Да.

– Анвар, спроси, все они должны были вернуться к мурзе?

– Да, – перевел татарин ответ десятника.

– Сколько человек у мурзы?

– Сейчас восемь десятков, из них двадцать – нукеры личной охраны.

– Стан укреплен?

– Нет.

– Почему?

– Там лес отступает от реки, поле, где видно далеко. Незаметно не подойти.

– Все сказал?

– Все.

– Молись!

Надир что-то сказал переводчику.

– Он просит вернуть ему нож, – пояснил тот.

– Желает подохнуть с оружием в руках?

– Наверное.

– Отдайте ему нож, – распорядился княжич.

Надиру бросили тесак.

Он взял его, опустился на колени, стал молиться, потом выпрямился и полоснул себя ножом по горлу. Кровь хлынула из раны. Главарь захрипел, завалился набок, забился в судорогах.

– Хоть подох как воин. Но зря, княжич, ты дал ему нож. Надо было самому его прикончить или мне передать, – проговорил Бессонов.

– Черт с ним.

К ним подошел Агиш, второй служивый татарин.

– Княжич, дозвожь слово молвить.

– Говори, Ильдус.

– С тобой повар говорить желает.

– Не много ли чести?

– Это тебе решать, господин.

– Ладно, давай сюда повара.

Глава 3

К княжичу подвели Бакшана.

Тот поклонился до земли и проговорил:

– Я не воевал, не грабил, не убивал, кушать делал. Плов, мясо жареное, много чего.

– Откуда знаешь русский?

– Очень плохо. Надо человека, который знает лучше.

– Ты хочешь сказать что-то важное?

Повар посмотрел на княжича и пожал плечами. Мол, не понимаю.

Савельев подозвал Агиша.

– Ильдус, переводи.

– Да, княжич.

– Говори, повар.

Бакшан начал говорить, Агиш – переводить.

– Надир-ага сказал не всю правду про стан мурзы.

– Интересно. И что он утаил?

– Утаил то, что стан мурзы не на берегу у болот, а ниже по течению, у затона. Тот глубокий, широкий. Там и стоят шатры Салмана Захира и его приближенных.

– Какая важность в том, что стан этот находится немного дальше по реке?

– А как же затон, воевода?

– При чем тут затон?

– А как мурза добрался до такого глухого места, Губаринских болот и дремучего леса?

Княжич посмотрел на повара.

– Рекой?

– Да. Мы шли от Казани вверх по Волге, против течения, где на веслах, где под парусом.

У мурзы есть две ладьи и струг. Суда большие, в каждом уместится человек по шестьдесят, а то и больше. Есть пушки, по одной на ладьях, две на струге. Все спереди. Дошли до впадения в Волгу Колвы, дальше на веслах. Ладьи и струг поставили в затон, рядом разбили стан. Шатры мурзы и его ближних стоят на самом берегу, к ним брошены сходни.

– Это все, что ты хотел сказать?

– Нет. Еще вот что может тебе пригодиться, господин. Мурза Захир часто с небольшой охраной выезжает в деревню Алат, что в пяти верстах от правого берега реки Казанки, напротив ханского замка. Ее часто хутором называют. Там он охотится, развлекается с наложницами и мальчишками. Пьет не только кумыс, но и хлебное вино. Человек хитрый, но бесшабашный. Храбрый тогда, когда нет угрозы. Он и сюда-то решил пойти не просто так, знал, что никто в этих лесах ему не помешает. Привезет ясырь в Казань и будет хвалиться, как брал целые крепости.

– Как, говоришь, называется деревня?

– Алат, воевода. Она недалеко от берега Волги. Там полосы леса, кусты, но больше степь.

В деревне у него хороший дом.

– Ладно. Стой пока здесь, – проговорил княжич.

Татарин присел на корточки, опустил голову.

Савельев же крикнул:

– Внимание всем! Воинам забрать татарских коней, баб и детей посадить на телеги. Поидем обратно в деревню.

– В деревню? – удивился Бессонов. – Но...

Княжич прервал воина:

– Да, в деревню. Надо помочь людям восстановить их избы, новые срубы поставить. Потом пойдем в Бабаев.

– Но работы в деревне займут не менее месяца.

– Так долго мы не задержимся, коли споро работать будем. Да и мужики деревенские в стороне не останутся. Мы им только поможем, без нас они не справятся.

Бессонов пожал плечами.

– Ты воевода, Дмитрий Владимирович, твое повеление закон. А с этим поваром что делать будем?

Княжич кивнул Агишу.

– Встань, разбойник! – крикнул тот.

– Я не разбойник, а повар, резал только кур, баранов, лошадей.

– А откуда ты знаешь о хуторе Алат? Гулял там с мурзой?

– Куда мне? Я никто, он князь. Я знаю его повара. Тот рассказывал. Он всегда с мурзой.

– Ясно. – Савельев взглянул на Бессонова. – Ты спросил, что делать с ним, так?

– Да.

– Пусть уходит.

– Как? Ты решил отпустить басурманина, который служил в отряде головореза Надира?

– Но он повар, Гордей. В грабежах не участвовал.

– Люди тебя не поймут.

– Поймут, когда объясню.

– Ты что-то задумал?

– Нет, просто отпускаю его. Пусть идет. Такова моя воля.

– Добро.

– А ты успокой людей.

– Им сейчас не до татарина.

– И то верно.

Бывшие невольники вместе с воинами княжича готовились к возвращению в деревню.

Савельев сказал Агишу:

– Передай повару, пусть уходит. К мурзе, к черту, куда угодно, лишь бы с глаз долой. И пусть запомнит, что другой раз милости не будет. Пусть сидит в своей Казани и носа в земли русские не кажет!

– Воевода, он понимает по-русски, пусть и плохо. Может рассказать мурзе о том, что здесь произошло.

– Пусть. Мурза потерял отряд, но у него осталось еще восемь десятков людей. Они наверняка взяли хороший ясырь. В одном только селе Броды сотен пять народу проживает. Часть, понятно, вырвется, но многих татары возьмут. А еще деревни Веселка и Покровка. Там тоже можно пленить немало здоровых мужиков и баб. Этого Захиру хватит. А гибель отряда Надира мурзе даже на руку. Этим самым он покажет, что ему действительно с боями приходилось брать деревни. Он герой! Ну и черт с ним. Пусть повар уходит, пока я не передумал.

Бакшан понял суть речи воеводы, но ждал перевода, изображал саму покорность. Как только Ильдус Агиш перетолмачил слова княжича, повар вскочил и зигзагами, как заяц, стремительно побежал к лесу.

– Во дает! – сказал Бессонов. – Его теперь и на коне не догонишь. Но что ты задумал, княжич?

– Потом, Гордей. Давай сейчас отправим людей в деревню. Отряду сбор!

– Не понял. Мы что, не поедem в Дергу?

– Слишком много вопросов задаешь, Гордей Никодимович. Исполняй приказ!

– Слушаюсь, воевода!

Освобожденные пленники развернули телеги, и обоз медленно пошел обратно, в разоренную деревню.

Княжич приказал воинам следовать за ним, но на ближайшей поляне остановил их. Они с вниманием и не без удивления смотрели на него.

Княжич же выстроил всех кругом и спросил:

– Не понимаете, что я задумал?

Голос подал Истома Уваров:

– По правде сказать, нет. Первый твой наказ – идти в деревню и помогать людям строить дома – был для нас непонятным. Ведь у отряда другое задание. А сейчас и вовсе все запуталось.

Савельев улыбнулся и проговорил:

– Распутаем, Истома. Коли помните, о помощи крестьянам я говорил в присутствии татарского повара, а он понимает по-русски. Затем я приказал отпустить его. Сейчас Бакшан торопится в стан мурзы. Он один вернется отсюда. Захир сразу допросит его о том, что произошло у Дерги. А норов у мурзы вспыльчивый. Но дело даже не в этом. Повар расскажет, что мы перебили всех вояк, которых Захир послал в набег на Дергу, и бросили их трупы на поляне. У татар свои обычаи, которых они строго придерживаются. Мурзе придется высылать сюда людей, дабы похоронить погибших до захода солнца. Так у них положено. Захир также узнает, что малочисленный отряд проклятых неверных, уничтоживший его людей, останется в деревне и будет помогать местным жителям восстанавливать избы. Вот тут-то и должна сказаться вспыльчивость Захира. Какая-то дюжина русских воинов перебила его отряд, не ушла в крепость, не увела туда освобожденных людей, а набралась наглости, осталась в деревне и принялась ее восстанавливать. Я думаю, что мурза Захир сегодня же pošлет сюда еще один отряд. Он прикажет ему уничтожить нас, опять захватить ясырь, доставить его из Дерги в стан и захоронить своих соплеменников.

За него продолжил Бессонов:

– А мы в деревне устроим им засаду. Но для этого нам надо убрать оттуда жителей, срочно отправить их в Бабаев.

– Вояки у мурзы Захира, скажем прямо, плохие. Есть, конечно, опытные воины, но таких мало. Мурза собрал тех людей, которые льстили ему, участвовали в грабежах, насилии и убийствах. Он не желает сражения с русской ратью. Этот весельчак привык гулять, а не воевать. Но разведка у любой татарской рати, будь то два десятка, сотня или несколько тысяч, всегда была сильной. Там только опытные воины. Они, не выходя из леса, определяют, что русский отряд действительно малочислен и готовит засаду. Разведка узнает, как мы собираемся встретить второй отряд. Тогда наш замысел окажется не только бесполезным, но и губительным. Мы должны переиграть мурзу. Посему засаду будем устраивать на той же самой поляне. Путь от стана мурзы к Дерге лежит через нее. Других дорог у татар нет. Если только обход с юга, где легко напороться на дозоры, высланные из крепости. Сюда отряд татар выйдет единым целым. До елани высылать разведку не имеет смысла. Я уверен, что мурза думает, будто мы в деревне. Он не исключает, что к нам подойдет подмога, но она будет совсем невелика. Захир полагает, что мы никак не ожидаем ответного удара, – проговорил княжич.

Воины слушали его, поглаживая бороды.

– Что ж, княжич прав, – сказал Бессонов. – Мы при всем желании не сможем разгромить стан мурзы. Слишком уж много у него там воинов. Где-то восемь десятков рыл. Нас же со служивыми татарами – четырнадцать. Как мы ни старайся, татары задавят нас числом. По замыслу княжича, мы выманит сюда по меньшей мере еще один отряд. Скорее, даже больше. Мурза узнает от повара, что против Надира и его разбойников выступила дюжина воинов, легко справившаяся с двадцатью татарами. Значит, надо посылать больше людей. Захир может позволить себе отправить к Дерге и два отряда. Мы так и не получим помощи из крепости. Два отряда татар станут для нас тяжелым бременем.

Осип Горбун махнул рукой и заявил:

– Да ладно тебе, Гордей. Сорок татар, которые попадут в засаду, это разве непреодолимая сила? Наши лучники с ходу снимут с десятков степняков. Потом они будут выбивать их одного за другим, покуда тот басурманин, который приведет сюда татарскую рать, сообразит, как ему быть. Тем более что на елань татары войдут походным порядком, зная, что мы отошли в Дергу вместе с тамошними жителями. Им надо похоронить своих соплеменников. Вот тогда мы по этим поганцам и ударим.

– Ничего, на елани с татарами справимся, – поддержал его Боян Рябой.

– Тогда, друзья мои, поступаем так, – начал княжич. – В передовой дозор пойдут, как и раньше, Лукьян Балаш и Боян Рябой, с ними Филат Черный. На север – Тарас Дрога, Осип Горбун и Лавр Нестеров, на юг – Бажен Кулик, Истома Уваров и Кузьма Новик. Здесь, у тропы, ведущей к деревне, остаюсь я. Со мной Гордей Бессонов, Надежа Дрозд, служивые татары Анвар Баймак и Ильдус Агиш. При этом наши лучники будут здесь, на юге и севере. Восток после прохода ворога закроют дозорные. Так мы окружим елань. Ждем татар, которые, как я думаю, появятся где-то в полдень. Смотрим, сколько их, как идут. Если они не остановятся на поляне, оставят похороны на потом, то лучники выбивают всех, кого смогут и успеют достать. При этом, дабы не возникло неразберихи, Надежа Дрозд бьет по передовым татарам, Тарас Дрога – с пятого всадника до десятого. Истома Уваров – от конца, сколько сможет. Первым в бой вступаю я. В момент схватки, когда мы сойдемся с передовыми татарами, на елань одновременно выходят все воины.

Бессонов кивнул и сказал:

– С тем понятно. А как действуем, коли отряд татар встанет и займется похоронами?

Княжич укоризненно посмотрел на опытного воина.

– Ты перебиваешь меня, Гордей. Так нельзя.

– Извиняй, княжич, хочется быстрее все обсудить да заняться делом. Надо наточить сабли, ножи, проверить доспехи, накормить и напоить коней. Да и нам самим перекусить не мешает.

– Это так, – воскликнул какой-то воин. – Покуда нет татар, надо хоть каши сварить.

Вперед выступил Баймак и сказал:

– Коли княжич не против, то этим займемся мы с Ильдусом.

Савельев улыбнулся.

– Я не против. По этой части вы мастера. Готовьте, но так, чтобы дыма не было, собирайте только сухие дрова и место для костра присмотрите дальше по тропе.

– Сделаем!

– Занимайтесь!

– Ты, княжич, так и не ответил на мой вопрос, – напомнил Бессонов.

– Коли татары начнут с похорон, то выставят на елани охрану. Увидим, как и где она встанет, тогда и решим.

Тут со стороны деревни донесся шум. К елани явно приближались всадники. Сколько их было? Трое? Четверо? И что за люди?

Княжич уже готов был отдать приказ рассредоточиться для встречи неожиданных гостей, как из-за ближних кустов раздался голос:

– Воины, не бейте, мы мужики из Дерги.

К княжичу подъехали четверо всадников. Впереди молодой мужик, в глазах которого было столько печали и ненависти, что Савельев невольно вздрогнул.

– Назовитесь! – бросил он.

– Я Иван Коган, супруг Марины, – сказал этот самый молодой мужик. – Татары убили нашего сына-младенца.

– Знаю о вашей горе, сожалею.

– Со мной Степан Гора, сын одного из стариков, убитых татарами. Еще Окул Петрухин, сосед семьи Кирьяна Гончара. Он возьмет к себе их сына. Тут же Андрей Рында, племянник знахаря, зарезанного проклятыми басурманами. Мы хотели строить новые избы, но подумали, что ты затеял еще одну схватку с татарами. Посему и пришли помочь. Не смотри, княжич, что мы простые мужики. Нам приходилось иметь дело с казанцами. Желающих пойти с нами было много, едва ли не вся деревня, но самых молодых и старых мы не взяли. Толку от них никакого. Просим, возьми к себе, дай возможность хоть раз отомстить проклятым басурманам. Потом уйдем, станем избы строить.

Княжич обвел взглядом своих людей и спросил:

– Что скажете на это, друзья?

Вперед выступил Бажен Кулик:

– Отчего же не взять, княжич. Мужики лишними не будут. Да и вооружены они хорошо. Местные жители имели при себе оружие татар, разбитых на елани, сидели на их же конях. Савельев кивнул и сказал:

– Ладно. Смотрю, у одного из вас лук. Значит, ты владеешь им?

Степан Гора ответил:

– А ты проверь, воевода. Слова – пустое, давай на деле.

– Проверить? Хорошо. – Княжич обратился к лучнику Дроге: – А ну-ка, Тарас, проверь. Дрога посмотрел в одну сторону, в другую, повернулся к Горе и сказал:

– Гляди на север. Высокую сосну саженях в тридцати отсюда видишь?

– Как не видеть. Она одна высится над лесом.

– На правой лапе у верхушки шишка.

Мужик всмотрелся и заявил:

– Там их три.

– Сбей одну из них.

– Потом стрелу не найдешь!

– Я тебе свою дам.

– Добре.

Степан Гора соскочил с коня, снял со спины лук, вытащил из колчана стрелу, наложил на тетиву, натянул ее так, что наконечник оказался у дуги, и отпустил. Стрела понеслась вперед и вверх. Она угодила точно в шишку, вместе с которой и упала в лес.

Такая точность вызвала восторг не только у рядовых воинов, но и у опытных лучников.

– Да, – проговорил Дрога. – Выстрел что надо. Не знаю, попал бы я сам.

– Молодец! – похвалил Гору княжич.

– Да я что? Я ничего. Как умею, так и стреляю.

– Умеешь отменно, как немногие. – Савельев повернулся к Осипу Горбуну и распорядился: – Возьмешь к себе этого стрелка и Окула Петрухина. Ты же, Бажен, заберешь Ивана Когана и Андрея Рынду. Так у нас получится три пятерки и дозор из трех человек. – Княжич обернулся к Когану: – Иван, я беру вас в отряд. Но гляди, ты в ответе за остальных мужиков. Чтобы драться с татарами наравне с моими людьми и стоять до конца, до самого смертного часа, коли выпадет такая доля.

– В том, княжич, не сомневайся.

– Ну и славно! Все по местам. Обустройвайтесь, готовьтесь. Еду повара всем разнесут. Дозору внимание! Бакшан уже должен был дойти до стана, значит, ждать татар мы будем недолго. Вперед!

Но не успели ратники тронуться с места, как с тропы донеслись звуки, свидетельствующие о приближении еще нескольких всадников. Вскоре к отряду выехали староста деревни Евдоким Шмель и мужики – Евсей Кошан, Елисей Ермак и Федор Пятак.

– Кажись, княжич, у нас новое пополнение, – проговорил Бессонов.

Селяне встали. Впереди держался староста.

– А ты здесь зачем, Евдоким? – спросил Савельев.

Тот кивнул на мужиков, приехавших с ним, и проговорил:

– Так ведь ребята глянули, как Коган с Горой да Петрухин с Рындой в доспехах, при оружии пошли из деревни, и тут же ко мне. Мол, это чего же выходит? Мужики наши татар бить будут вместе с теми воинами, которые всех нас спасли, а мы – на деревне отсиживаться? Я говорю, что нам избы строить надо, а они – наперед басурман разгромить, за побитых людей отомстить. Дескать, отстроиться до холодов успеем. Ну и что мне было делать? Вот мы и поехали следом. Возьмешь в дружину?

Княжич осмотрел мужиков. В татарских доспехах, которые мало чем отличались от русских, они выглядели заправскими ратниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.